

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ
НОВОСТИСостоялось заседание Учебного комитета
при Священном Синоде

18 сентября 2017 года, по благословению Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия, в помещении Киевской духовной академии состоялось заседание Учебного комитета при Священном Синоде, которое возглавил Глава комитета - архиепископ Ирпенский Климент. В заседании приняли участие ректоры и представители администраций всех духовных семинарий УПЦ. По благословению Высокопреосвященнейшего архиепископа Сумского и Ахтырского Евлогия в мероприятии принял участие проректор по учебно-воспитательной работе Сумской духовной семинарии архимандрит Антоний (Бондаренко). Собравшиеся обсудили ряд вопросов по организации образовательного процесса в 2017/2018 учебном году и проанализировали итоги вступительной кампании. Архиепископ Климент сообщил о результатах работы Комиссии по признанию дипломов ВДУЗ, которая действует по приказу Министерства образования и науки Украины. Вице-ректор Полтавской миссионерской духовной семинарии епископ Новосанжарский Вениамин рассказал о последствиях работы вебинара, организованного Учебным комитетом Русской Православной Церкви при участии представителей образовательных духовных учреждений из всех стран, которые входят в пределы канонической ответственности РПЦ. Во время заседания были рассмотрены представления и личные дела номинантов на присуждение именной стипендии Предстоятеля Украинской Православной Церкви, в соответствии с чем поручено Главе Учебного комитета подать рапорт на имя Блаженнейшего Митрополита Онуфрия.

Сумський архієпископ звершив
богослужіння свята Різдва Пресвятої
Богородиці

21 вересня 2017 року Высокопреосвященніший архієпископ Сумський і Охтирський Євлогій очолив Божественну літургію на честь свята Різдва Пресвятої Богородиці в Спасо-Преображенському кафедральному соборі м. Суми. Напередодні ввечері було звершено всеношну, за якою Архіпастир читав канон свята. Владиці співслужили клірики собору. Після читання Євангелія Його Высокопреосвященство виголосив проповідь на тему свята.

Однажды я загляну в глаза,
которые отдала моя дочь

Ройс Янг

Доктор использовал фразу
"несовместим с жизнью"

Я и моя жена Кери ждали нашего второго ребенка, в декабре мы пришли на плановое УЗИ в 19 недель. Родители обычно ждут его, чтобы узнать, кто у них будет - мальчик или девочка. Но мы узнали, что у нашей дочери будет редкий врожденный дефект, называемый анэнцефалией. Этот дефект встречается примерно в 3 беременностях из 10 тыс.

Объясняя диагноз, доктор использовал фразу "не совместим с жизнью". У ребенка не развивалась лобная доля мозга. Шансы на выживание близки к нулю. Мы сидели в кабинете врача за пять месяцев до рождения нашей дочери и знали, что она умрет.

У нас было всего два варианта: прекратить беременность сейчас или доносить нашу дочь до конца. Нам дали 48 часов, чтобы принять решение. Уже через минуту после того, как нам сообщили о диагнозе нашего ребенка, Кери спросила, сможем ли мы пожертвовать органы ребенка, если она доносит его.

Мы решили не прерывать беременность и выбрали для нашей дочери имя Ева, что значит "дающая жизнь". Наш план был прост: доносить Еву, родить ее, позволить ей умереть и подарить жизнь другой семье.

Мы встретились с организацией LifeShare, которая занимается донорством органов. Там мы узнали, что будем восьмой семьей в штате, пожертвовавшей органы младенца. Прецедентов было не так много, потому что большинство родителей детей с анэнцефалией не знали о такой возможности. Даже наш врач, который специализируется на таких случаях, не знал об этом!

"Готова ли детская
для Евы?"

Сердце Евы должно было остановиться, потом у врачей появилась бы возможность извлечь ее почки, печень и, возможно, поджелудочную железу и клапаны сердца. Мы спросили о других органах, таких как глаза или рога, но в LifeShare рассказали нам, что раньше этого не делали даже со взрослыми.

Кери было сложно носить ребенка еще 20 недель, зная, что в итоге он умрет. Постоянные толчки Евы напоминали нам, что она внутри. (Кстати, да, Ева толкалась внутри так же, как любой другой ма-

лыш, она полностью контролировала основные двигательные функции. Нам было непросто осмыслить это.) Кери пугалась, когда ее спрашивали о дате родов или готова ли детская для Евы.

Зато мы неожиданно поняли, что можем наслаждаться беременностью. Нам нравилось разговаривать о нашей крошке, и день ото дня наша любовь к ней росла. Мы получали удовольствие от того, что мы ее родители. Думаю, во многом это было связано с решением продлить беременность до конца. У Евы было имя, личность и цель.

Мы перестали рассматривать беременность Евой только как способ помочь другим и с нетерпением ждали нашу дочь, чтобы поддержать ее, поцеловать, рассказать ей о ее брате и быть ее родителями. Мы не знали, сколько у нас будет времени, 5 секунд, 5 часов или, может быть, даже 5 дней.

Мы часто встречались с LifeShare и нашими врачами. На 4D - УЗИ нашей девочки мы взяли нашего старшего сына Харрисона. Он посмотрел на экран и закричал: "Это моя сестра! У меня есть сестра!" В носу защипало, и глаза стали влажными. Особенно когда я представил, что он мог бы сказать: "У меня была сестра".

Плановое кесарево было назначено на 2 мая. Наш первый ребенок родился естественным путем, но кесарево увеличивало наши шансы увидеть Еву живой. Кроме того, этот вариант исключал внезапные схватки посреди ночи, и Харрисон смог бы увидеть свою сестру, а наши родители - свою внучку, даже если бы Ева прожила всего час. Наш выбор доставил бы сложности во время следующих родов, но мы хотели сделать все самое лучшее для Евы.

Нам не верилось,
что все получится

Приближалось второе мая, и все было готово к "большой встрече". Около 30

человек должны были приехать в госпиталь, включая людей из LifeShare, врачей и медсестер детской реанимации, неонатологов и других специалистов.

Мы были первыми донорами младенческих органов в этом госпитале, протокол создавали буквально на ходу. Он включал три варианта: 1) Ева родилась и стабильна; 2) Ева родилась и нестабильна; 3) Ева родилась мертвой. Были разработаны планы действий и самые разные варианты на случай непредвиденных обстоятельств.

Нам пришлось пойти на уступки нашему доктору, отвечающему за трансплантацию, и согласиться интубировать нашу дочь вскоре после рождения. Несмотря на наши родительские инстинкты и желание удерживать Еву как можно дольше, мы четко понимали неизбежность ее смерти. Ничто не могло изменить того факта, что она умрет. Мы не хотели, чтобы 5 минут с нами помешали спасти кому-то жизнь.

Если честно, не верилось, что у нас все получится, слишком много было вещей, которые могли пойти не так, как надо. Нам снова и снова становилось ясно, что почки или печень могут не подойти для трансплантации. Тогда их можно будет использовать для исследований органов детей грудного возраста. Конечно, это тоже имело смысл, но я хотел получить более ощутимый результат.

Что, если человек,
получивший ее почки,
станет президентом?

Я хотел встретить, обнять и пожать руку человеку, которого спасла моя дочь. Я мечтал побывать на его празднике в честь дня рождения, окончания школы и свадьбы. Это была синица в небе, но я не мог мечтать о том, как вырастет моя дочь, поэтому я фантазировал о том, что она может сделать.

Что, если человек, получивший ее почки, станет президентом? Что, если ее пе-

чень идет к маленькому мальчику, и он выигрывает трофей Хейсмана?

Каждую ночь, когда я ложился спать, я писал в голове сценарий фильма "30 событий за 30 лет" (серия документальных фильмов). Это было чем-то ощутимым, надежда, за которую можно было ухватиться двумя руками. Исследования тоже важны, но для меня это был план Б, в котором я не хотел принимать участия.

На 36-й неделе беременности живот Кери был как на 42-й неделе из-за многоводия, частого осложнения во время беременности с анэнцефалией. В 34 недели у нее начались схватки, и мы беспокоились, что ребенок родится рано. Еве надо было набрать хотя бы 5 фунтов (примерно 2,3 кг), чтобы стать донором органов. Кери как сумасшедшая пила воду, раз в неделю ходила на КТГ, и мы постоянно мониторили состояние Евы.

Врачи предложили перенести кесарево на 37 недель, но мы отказались, понимая, что она еще не будет весить 5 фунтов. Мы пытались сделать все возможное, чтобы повысить шансы.

Наша дочь ушла до того,
как мы встретились

16 апреля было ровно 37 недель беременности, и у нас оставалось еще две недели до родов. Две недели на то, чтобы подготовиться ко встрече с нашей дочерью и попрощаться с ней. Я собирался написать в этот день Еве письмо. Точно такое я написал Харрисону, когда он родился, и хотел отдать его ему в 18 лет. Ева никогда не прочитает свое письмо, но я смогу прочитать ей его.

В тот день Кери не чувствовала толчков Евы, но мы оба отмахнулись и пошли обедать. Потом мы вернулись, уложили Харрисона и Кери снова попыталась заставить Еву двигаться. Она не отвечала.

Мы начали волноваться. Кери встала, прогулялась, выпила холодной воды, съела что-то сладкое. Затем снова села и стала ждать. Ничего. Мы решили ехать в госпиталь.

"Случилось что-то плохое, да?" - спросил я.

Кери разрыдалась, ее тело дрожало. Это был ее ответ.

Мы все еще надеялись, что просто переволновались, и даже не взяли с собой сумки.

Продолжение - на с. 8